

Литвин Т.В. (Санкт-Петербург)

Феноменологическая интуиция в философии Эдит Штайн

Тема моей статьи относится к малоизвестным, однако исторически значимым аспектам философской методологии XX века, принципы которой выражены в феноменологии и последующей философской антропологии. Философские труды Эдит Штайн представляют собой редкое и, по сути, уникальное для современности сочетание теологических положений и пронизательной интерпретации задач феноменологической науки, формируя, тем самым, самостоятельный взгляд на сущность искусства мышления и религиозной деятельности. Общеизвестное сотрудничество с Э.Гуссерлем было результативным, но противоречивым не только для самого основателя феноменологии. Э.Штайн принадлежит независимое и выходящее за рамки феноменологии представление о целях философии и теологии, о соотношении веры и разума, о смысле духовности и рациональности. Особенности именно философских сочинений Штайн в том, что она усматривала в феноменологии теологические импликации, развитие которых и может послужить основой как для методической точности любой науки о созерцании, так и для духовного обоснования социально-культурных практик.

Сотрудничество с Гуссерлем объясняет многое в целях и задачах философии Штайн, но поскольку их полемика длилась не один год, оценка взаимовлияния может быть противоречивой. Будучи его преданной ученицей, а затем ассистентом, Штайн тем не менее сумела выстроить собственную философскую концепцию и отстоять ее правомерность перед критикой «Учителя». Гуссерль не был доволен ее редактурой второго тома «Идей», но признавал плодотворность применения феноменологии для католической философии. Судя по всему, вопрос, в котором оба философа сходились во мнении, был вопрос о характере эмпатии, вчувствования (*Einfühlung*), раскрытый Штайн в ее диссертации, которую Гуссерль высоко оценил. Как и в работах по феноменологии intersубъективности Гуссерля, в исследовании Штайн эмпатия занимает важное место в методике эйдетики науки, то есть понимается как один из актов сознания, наряду с восприятием и воображением, фундирующий и конституирующий эгологические функции, и как таковую intersубъективность [2, 9-11]. Есть основание полагать, что проблема интуиции возникла в качестве продолжения исследований по эмпатии, однако в большей степени данная параллель спекулятивная, а не историческая. Вопрос об интуиции во многом позволяет определить сходства и различия между феноменологическим и схоластическим методами, являясь, возможно, ключевым для философских сочинений Э.Штайн. Не умаляя педагогического и гуманистического значения ее жизни и творчества, хотелось бы обратить внимание именно на этот вопрос в силу методологического потенциала философских сочинений, повлиявших на дальнейшее прочтение и освоение всей феноменологической традиции.

Так, в работе «Что такое философия?» Штайн излагает свое толкование сходств и различий между феноменологией Гуссерля и схоластикой Фомы Аквинского, указывая на принципы обоих методов, диктующие как достоверность, так и ограничения опыта познания. Соотношение критики и догматики, возможность экспликации опыта веры и опыта вчувствования, эйдетики и фактичности рассматриваются в контексте общих целей и целостности в построении теоретической науки о познании. Оригинальность интерпретации Штайн выражается в философски глубоком и стилистически виртуозном настаивании на общности результатов при методическом различии обоих направлений.

Вопрос об интуиции позволяет почти систематизировать эти результаты, по крайней мере, указать на возможности их интерференции. Разногласия с Гуссерлем, впоследствии зафиксированные после работы над изданием «Идей», оказываются скорее позитивным фактором для Штайн как самостоятельного исследователя и религиозного деятеля.

Разумеется, существуют фундаментальные различия между Гуссерлем и Фомой Аквинским, прежде всего, в самой философской ориентации обеих систем: эгоцентризм феноменологии как науки о конститутивах сознания, где именно субъект - центр волевых актов противоположен теоцентризму схоластики. Расхождения, как пишет Штайн, заключаются в вопросе о первой истине, тем самым о первой философии, тогда как сама идея истины как объективного существования сближает оба направления [1,32]. Феноменология претендует на всеобщую онтологию с «радикальным изменением знаков», заново выстраивая мир сознания, который возможно исследовать имманентно, но фактически - мир субъекта, мир его духовной активности. Ограниченность такого подхода в том, что ставя задачу поиска истины, учение о познании оказывается соотношенным с субъективностью, с интеллектом, который «никогда не успокоится» в этом поиске и истолковании [1,33]. Даже разделение на онтологию и метафизику не оправдывает подобное бесконечное оттачивание метода, поскольку, по сути, лишь усугубляет онтологическую трудность. – В схоластической критике Штайн феноменология нацелена на конституирование мира как одного из возможных миров, у Фомы Аквинского же мир – это единственно возможный этот мир, мир уже сотворенный. Однако и в том, и в другом направлении речь идет о непосредственном понимании, и характер этой непосредственности эксплицируется похожими языковыми средствами. Так, значимое для Гуссерля понятие очевидности также является теоретической задачей, и, по мысли Штайн, может быть тематизировано именно с помощью теологии. Иными словами, феноменология требует теологического обоснования в понятии очевидности и непосредственности познания сущности, поскольку претензия на кардинальность рефлексии иначе не будет выведена из противоречия.

Вопрос об интуиции является тем пунктом, который сближает схоластику и феноменологию, и во многом, ключевым для методологического толкования Штайн. Это соответствие оказывается решающим для определения характера и задач познания, поскольку интуиция понимается как «сущностное усмотрение» (*Wesensschau*) непосредственных данных сознания. Э.Штайн выделяет три основных пункта, по которым феноменология и схоластика совпадают в толковании интуиции. Во-первых, любое познание имеет чувственный характер, то есть «начинается с чувства» (*beginnt mit den Sinnen*), чувственные данные существуют в качестве исходного материала [1,38]. Эта классическая аксиома схоластики выполняется и в феноменологии, где чувственный материал подразумевает приоритет ясных созерцаний, пусть даже представляющих собой воспоминания или фантазии, над актуальным внешним восприятием. Ясное созерцание (*klare Anschauung*) несет больший смысл, чем смутные наблюдения над физической реальностью, абстрагирование и концентрация на «ощущениях» является базовой процедурой любого познания. Необходимо отметить, что под ощущениями у Штайн, так же как и Гуссерля, понимаются скорее отрефлектированные ощущения, семантическое напряжение немецкого термина *Sinn* вполне соответствует задаче очищения психических данных – задаче различения между чувством и смыслом.

Вторым важным моментом является сходство в понимании интеллектуальной обработки чувственного материала, которая также связана с отказом от всего случайного, концентрирование на свойствах вещи как работа *intellectus dividens et componens* [1,39].

Акцентирование на интуитивном характере деятельности ума не подразумевает простое «всматривание» (Hinsehen), напротив, «сущностное усмотрение» оказывается функцией рассудка (Verstandesleistung), речь идет об интеллектуальной интуиции – этимология термина интеллект как *intus legere* позволяет это подчеркнуть. Таким образом, «сущностное усмотрение» в феноменологии Гуссерля наследует значение схоластической интеллектуальной интуиции, но тематизирует его в пределах субъективности, не подразумевая иных онтологических задач.

И наконец, третьим пунктом является пассивность интуиции, которая подчеркивает, что понимание сущности есть результат, который невозможно сконструировать, а можно лишь подготовить усилием разума. Эта своеобразная пассивность, признаваемая в обеих традициях, отличает феноменологию от других современных ей философских направлений, по мысли Штайн, защищая познание от «субъективного произвола» [1, 40]. Хотя, как и в схоластике, остается вопрос об «идеальной границе» интуиции, определяющей человеческий разум. Пассивность, на которую указывает Штайн, у Гуссерля относится к проблематике пассивных синтезов, для теологии же этот вопрос скорее ближе к теме мистического опыта. Будучи критиком и для философии, и для теологии, Штайн скептически упоминает о *visio beatifica*, но резюмируя оба направления, указывает на онтологические, а не методические трудности. «Хотя созерцание сущности направлено на всю сущность, этой *интенции* соответствует лишь частичное *выполнение*» [1, 46]. Тем самым, интеллектуальная интуиция как сущностное усмотрение отражает характер и цели обоих направлений, и эгоцентрическая точка отчета оказывается коррелятом теоцентризма, областью применения эйдетической науки и, в этом смысле, герменевтики рефлексии.

Литература:

1. E.Stein. Was ist Philosophie? Ein Gespräch zwischen Edmund Husserl und Thomas von Aquino.// ESW 15. Freiburg im Breisgau [u.a.] : Herder, 1993.
2. E.Stein. Zum Problem der Einfühlung. Halle. Buchdruckerei des Waisenhauses. 1917.
3. E.Stein. Was ist der Mensch? Theologische Anthropologie. ESW 17. Freiburg im Breisgau[u.a.]: Herder. 1994.
4. D. Zahavi. Empathy and direct social perception. Review of Philosophy and Psychology, 2/3, 2011.